

Чербаева Ольга Владимировна

"ПРИРОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК" В ОБРАЗНОЙ СТРУКТУРЕ ПЬЕСЫ "ПРОШЛЫМ ЛЕТОМ В ЧУЛИМСКЕ"

В статье была предпринята попытка проследить генезис образа "природного человека" и природных мотивов в творчестве А. В. Вампилова. Целью статьи стало выявление места "природного человека" в образной структуре пьесы "Прошлым летом в Чулимске" и основных идей, транслируемых автором через этот образ. В результате столкновения "природного человека" и цивилизации, цивилизация побеждает; традиционный жизненный уклад - разрушен и забыт; "природный человек" - обманут, отторгнут современным обществом. Понимание этого становится новым этапом в творческой эволюции писателя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/10-2/53.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. II. С. 198-201. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье была предпринята попытка проследить генезис образа «природного человека» и природных мотивов в творчестве А. В. Вампилова. Целью статьи стало выявление места «природного человека» в образной структуре пьесы «Прошлым летом в Чулимске» и основных идей, транслируемых автором через этот образ. В результате столкновения «природного человека» и цивилизации, цивилизация побеждает; традиционный жизненный уклад – разрушен и забыт; «природный человек» – обманут, отторгнут современным обществом. Понимание этого становится новым этапом в творческой эволюции писателя.

Ключевые слова и фразы: театр Вампилова; образ «природного человека»; образ «антиприродного человека»; образ «природного дома»; противопоставление бытийного бытовому.

Чербаева Ольга Владимировна

*Мичуринский государственный аграрный университет
olgacherbaeva@rambler.ru*

**«ПРИРОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК» В ОБРАЗНОЙ СТРУКТУРЕ
ПЬЕСЫ «ПРОШЛЫМ ЛЕТОМ В ЧУЛИМСКЕ»[©]**

Среди разнообразных персонажей произведений А. В. Вампилова, в большинстве своем антиприродных, всецело поглощенных материальным миром, привычно бессмысленно проживающих похожее друг на друга дни, особо выделяется Еремеев («Прошлым летом в Чулимске»). Эвенк Еремеев – эпизодический герой и, пожалуй, наиболее близкий автору среди образов «театра Вампилова». Он связан с природой, всецело растворен в ней. Он часть природного целого. Исходя из внимательности Вампилова к деталям, можно объяснить второплановость его образа презрением современного общества к природе. В современном писателю «перевернутом мире», сотканном из повседневной суеты и пошлости, сугубо человеческим ценностям отведено столь малое место, что их воплощение может претендовать лишь на крохотную роль одинокого оторванного от жизни старика. Являясь частью персонажного мира пьесы, эвенк Еремеев, в то же время, – есть символ заброшенной, забытой человеком природы. Данный герой близок герою В. П. Астафьева – Акиму («Царь-рыба»). Образ Акима, «природного человека» трактуется П. А. Гончаровым символически: «Заострение –елабости» героя явилось одновременно подчеркиванием экологических проблем – некому, выходит, постоять за разоряемую и уничтожаемую Сибирь» [3, с. 200].

Эвенк Еремеев, также как астафьевский Аким, относится к типу героя, ставшему широко распространенным в литературе XX века, который принято называть «естественным» или «природным» человеком. Данный тип героя был подробно исследован в коллективной монографии «"Природный человек" в русской прозе XX века» [4] на примере творчества писателей, раскрывавших в своих произведениях, в первую очередь, экологические проблемы – С. П. Залыгина, В. П. Астафьева, М. М. Пришвина и др. П. А. Гончаров характеризует художественный образ «природного человека» следующим образом: «—"Природный человек" так или иначе стремится противопоставить себя агрессии цивилизации, пытается увидеть в гармонии человека и природы основу будущего самосохранения человечества. В сознании этого персонажа жизнь воспринимается <...> как состояние –долженствования". В этом же ракурсе оценивается и позиция человека по отношению к земле, олицетворяющей собой живую и –живую" природу» [Там же, с. 11].

Понятие «естественный человек» было подробно разработано в философской концепции Ж.-Ж. Руссо, который, идеализируя первобытного человека с его естественными потребностями, противопоставил ему человека цивилизованного, руководствующегося уже не чувствами, но холодным рационализмом. «Состояние размышления – это уже состояние почти что противоестественное и человек, который размышляет, – это животное извращенное» [6, с. 719]. Чем более цивилизация прогрессирует в своем развитии, тем сильнее человек разлагается морально, считал Руссо.

Обращение Вампилова к образу «природного человека» в пьесе «Прошлым летом в Чулимске», на наш взгляд, закономерно. Пьеса, затрагивающая проблемы современной писателю сибирской глубинки явилась итогом размышлений писателя об отходе человека от собственных природных истоков, об урбанизации. Он затрагивал тему взаимоотношения человека и природы уже в первых своих прозаических произведениях. В рассказах Вампилова в сюжетную канву вплетены лирические отступления на тему природы, часто идущие в разрез с фабулой, символизирующие оторванность от природы человека, погруженного в свои каждодневные бытовые переживания. В драматургии Вампилова роль природных мотивов усиливается. В пьесе «Воронья роща» все действие сопровождается криком ворон, то нарастающим, то стихающим. В пьесе «Прощание в июне» также присутствует яркий природный образ – образ альпийского луга, по которому можно будет «пробежаться босиком», символ некоего идеального природного мира, мира свободы. «Альпийский луг», идеализированный романтический природный образ, противопоставлен в пьесе «клумбам» и «грядкам» на даче Золотуева, символу приземленности, мещанства. В «Утиной охоте» на протяжении всей пьесы идет дождь, временами переходящим в ливень. И в одном из первых драматических опытов Вампилова, одноактной пьесе «Дом окнами в поле», присутствует яркий природный образ-символ «поля» – широты,

простора, бескрайности русской природы, свободы и простоты деревенской «природной» жизни, противопоставленный городским «огням голубым», «проспектам» и «мокрым улицам» [1, с. 469]. Не случайно Вампилов включает в пьесу «Прошлым летом в Чулимске», по словам Е. М. Гушанской, «огромные подробные и –беспольные» по детализированности для сценографии и настроения ремарки, как, например, упоминание о дальней сопке, «внизу покрытой елью, выше – сосной и лиственницей», о бедных лесных цветочках в палисаднике» [5, с. 285]. Природа здесь является олицетворением свободы, стихии, некоей первозданности, самой жизни, того, от чего уже отделились жители Чулимска и совсем ушли жители города в его постоянной суете. Вставляя множество лирических отступлений в прозе и ремарок в драматургии с описанием природы, Вампилов противопоставляет извечное, метафизическое, бытийное бытовому, меркантильному. Кроме того, природные образы, введенные Вампиловым в драматические произведения, буквально «живут» и «дышат» в пьесах: то стихающий, то нарастающий крик ворон («Воронья роща») или шум дождя («Утиная охота») – это дыхание и пульс самой живой природы, наблюдающей за спектаклем, название которому «человеческая жизнь». Человек же не «живет», а лишь паясничает и лицедействует (Баохин, Зилов).

Пьеса «Прошлым летом в Чулимске» была написана в 1971 году. В ней А. В. Вампилов, уже сложившийся драматург, вновь обращается к образу провинциальной Сибири. Идеи самоценности сибирской деревни и вместе с тем критическое отношение к современным преобразованиям в Сибири, повлекшим за собой, по мнению писателя, насаждение городской культуры в сибирской глубинке, приобретают в пьесе трагическое звучание. От мотивов отстранения от Сибири, покорения Сибири и сибирской природы, присущих первым публицистическим опытам, Вампилов постепенно приходит к идеям преобразования, освоения и притяжения Сибири, нашедшим отражение в более поздней прозе и драматургии, связанных с мотивом обретения дома («Моя любовь», «Билет не Усть-Илим», «Станция Тайшет», «Старший сын»), мотивом памяти («Голубые тени облаков», «Белые города», «Прогулки по Кутулику», «Как там наши акации») и образом «своей» Сибири, Сибири-Родины. Однако в пьесе «Прошлым летом в Чулимске» появляются уже идеи преклонения перед Сибирью, в частности перед природой ее и прошлым, исконным образом жизни сибиряков в гармонии с природой.

В системе образов данной пьесы важное место занимают героини-антиподы Еремеев и Мечеткин. Это, несомненно, второстепенные героини пьесы, однако, несущие на себе большую смысловую нагрузку. Эвенк Еремеев является воплощением образа «природного человека». Он – коренной житель Сибири. Еремеев – некая персонификация стихии, природы, безмолвно наблюдающей за разорванным с ней связью человеком. Слияние образа эвенка с образом сибирской природы и, вместе с тем, противопоставление его остальным героям пьесы выражено в некоторой отстраненности эвенка от остальных героев. Он является свидетелем событий пьесы, однако, его присутствие никак не влияет на ход действия. Он именно присутствует в пьесе, так же как «одинокая береза» [1, с. 316], «сопка, внизу покрытая елью, выше – сосной и лиственницей» [Там же], трава, солнце или «длинные вечерние тени» [Там же, с. 359]. Внешний конфликт пьесы абсолютно не затрагивает данного персонажа. Сюжетная линия Еремеева не вплетена в основную сюжетную канву пьесы, в центре которой (на поверхности) любовные отношения героев. Еремеев вступает в конфликт не с конкретными героями пьесы, а с незримыми, находящимися вне сценического пространства Карасевым, Эдельманом (а в их лице со всеми «чужаками» Сибири, пришедшими разрушить многовековой уклад традиционной жизни сибирской глубинки – модернизировать, урбанизировать). Еремеев приходит в Чулимск в надежде оформить пенсию, однако, не имеет документов, подтверждающих право на нее. Совершив несколько бесплодных попыток добиться положенной ему пенсии, эвенк возвращается обратно в тайгу ни с чем. Таким образом, событийный ряд, сопровождающий эвенка, внешне весьма незамысловат. Однако для понимания смысла, вкладываемого писателем в данный образ, важен мотив несправедливости, обмана, сопутствующий Еремееву. Обманута вся Сибирь в лице данного героя. Преобразования, совершаемые в Сибири, искренне поддержанные Вампиловым в ранней публицистике, на поверку обернулись построением нового жизненного уклада ценой полного отвержения прошлой Сибири, которая оказалась ненужной, незаслуженно вычеркнутой из «новой» жизни. Символом этой самой «новой» жизни Сибири становится образ «антиприродного человека» Мечеткина, который, в отличие от Еремеева теперь прочно стоит на сибирской земле. Априорная принадлежность Сибири героям-сибирякам, характерная для более ранних произведений Вампилова («Колумбы пришли по снегу», «Белые города», «Как там наши акации», «Прогулки по Кутулику»), оспаривается в пьесе «прибирающими к рукам» Сибирь «мечеткиными». Столкновение Еремеева и Мечеткина есть противостояние прошлой, традиционной, природной Сибири и Сибири новой, которая «соответствует» городу, которая уже «на уровне» [2, с. 190]. «Право» эвенка на Сибирь опровергает Мечеткин, уже укрепившийся в сибирской глубинке «чужак»: «Мечеткин. Так, так... Ну, а кто тебе разрешил?... А?... Я вопрос задаю, кто тебе разрешил здесь спать?...» [1, с. 320]. Уже само начало пьесы знаменует конец былой естественной жизни коренного сибиряка. Так, Еремеев, придя из тайги в Чулимск ночью, лег спать на веранде чайной, чем вызвал всеобщее удивление: «Валентина (поднимается на крыльцо). Как же вы здесь спали?... Холодно же. Да и жестко, наверно... Постучались бы» [Там же, с. 318]; «Мечеткин. Тут и спал. Вот еще тоже. Тут люди питаются, понимаете ли...» [Там же, с. 322]; «Хороших. А че же ты не постучался? Или забыл, где живем?» [Там же]. Еремеев не стал стучаться ночью в дом Дергачева не потому, что «стеснительный» [Там же, с. 321], а потому что «зимой надо стучаться» [Там же, с. 318], и, к тому же, само понятие «дом» мыслится Еремеевым шире, чем остальными героями пьесы. Дом для него – это не стены и крыша, где можно переночевать, а вся Сибирь. В тайге, под открытым небом он чувствует себя вполне уютно, а Сибирская природа для него и дом, и семья. Однако в понимании Мечеткина то, что Еремеев ночует на веранде чайной, является нарушением норм приличия, правда абсолютно чуждых и не нужных таежному жителю: «А пришел, так иди в гостиницу. На общем основании» [Там же, с. 320]. Мечеткин, человек «цивилизованный», «антиприродный» (обобщенный

образ героя-чужака, не имеющего корней) из города окончательно перебрался в поселок и требует, чтобы с ним считались, чтобы все было по закону. Он проводит беседу с Кашкиной по поводу ее отношений с Шамановым, ведь «сигналы поступают» [Там же, с. 365] и нужно «реагировать» [Там же], советует Еремееву подать в суд на собственную дочь, делает замечания Хороших по поводу «дисциплины» [Там же, с. 321], «ставит на место» Дергачева, «да статейки в газету пописывает» [Там же, с. 326] – словом, ведет общественную работу, «наводит порядок» в Чулимске. Однако такой порядок противоречит свободной жизни Еремеева, его моральным принципам: «Дергачев. Твое дело свободное. Закон – тайга, прокурор – медведь. Собираться, брат, до дому. Еремеев (закивал). До дому, до дому» [Там же, с. 363].

Дом Еремеева – тайга. Характерно любовное и бережное отношение эвенка к природе Сибири: «Тайга меня ждет. Ягода ждет, шишка ждет. Белка – тоже ждет...» [Там же, с. 386]. Оказавшись ненужным обществу, он, тем не менее, чувствует себя нужным самой природе, дающей ему и кров, и пищу, и радость существования в гармонии с целым миром. Образ «природного дома», соотнесенный с образом «природного человека» Еремеева, противопоставлен в пьесе образу чайной (столовой, «общепита»), которая условно становится «домом» (местом времяпровождения) «антиприродного человека» Мечеткина, «бездомного», не имеющего корней. Отношение Мечеткина к сибирской природе потребительское. Он вытаптывает цветы в палисаднике Валентины, потому что палисадник «стоит, понимаете, на дороге, мешает рациональному движению» [Там же, с. 326]. И тайга, а вместе с ней поселок Чулимск, представляют ценность для Мечеткина только лишь потому, что «через несколько лет через нас пройдет железная дорога» [Там же, с. 361].

Победа «антиприродного» над природным, потребительского отношения к жизни над идеями преклонения перед гармонией природного мира, по Вампилову, становится итогом вмешательства в традиционную жизнь таежной деревни цивилизации. Символично соотношение «сил» Мечеткина и Еремеева. «Антиприродный» герой Мечеткин чувствует свое «право» давать советы, вмешиваться в личную жизнь героев пьесы. Еремеев, напротив, является больше сторонним наблюдателем, чем действующим лицом пьесы. Он никого не осуждает, не высказывает своего мнения. Мечеткина в пьесе чересчур «много»: вставляя, часто «не к месту», реплики Мечеткина в диалоги остальных персонажей, автор создает образ навязчивого и неуместного человека, насильно вмешивающегося в жизнь таежного поселка – образ «чужака», незваного гостя. Неестественность, чужеродность в пьесе данного персонажа подчеркивается в ремарке, дающей его описание. Неестественно в нем все. И манера держаться: «держится он до странности напряженно» [Там же, с. 319]. И одежда: «в потешной зеленой шляпе, при галстук» [Там же]. И голос: «старается говорить низким голосом, но часто срывается на природный фальцет» [Там же]. И само пребывание этого глубоко «антиприродного» героя в таежном поселке, где чувства берут верх над разумом, а страсти подобны самой природной стихии, начинает казаться нелепой ошибкой. Еремеев, напротив, практически сливается с жизнью Чулимска, растворяется в ней. Символично обыгрывается появление героев пьесы на сцене. В то время как персонажи пьесы один за другим появляются на сцене («щелкает заложка большой калитки и появляется Валентина» [Там же, с. 317], «на балкончике мезонина появляется Кашкина» [Там же, с. 318], «с правой стороны улицы появляется Мечеткин» [Там же, с. 319] и т.д.), Еремеев уже с начала действия находится на сцене (спит). Однако первое время остается незамеченным: «У крыльца на веранде лежит человек. Устроился он в углу, незаметно. Из-под телогрейки чуть торчат кирзовые сапоги – вот и все» [Там же, с. 317]. То есть образ Еремеева настолько вписывается в атмосферу сибирской глубинки, что буквально перестает быть видимым и осязаемым. Появление Еремеева на сцене до начала пьесы, до выхода остальных персонажей может также расцениваться как утверждение первоочередного права эвенка на Сибирь: испокон веков эвенки, коренной народ Сибири, жили здесь, принадлежали Сибири, как и Сибирь принадлежала им. Явное «выпячивание» Мечеткина и одновременное подчеркивание незначительности Еремеева – «Сразу и не разглядишь, что это человек» [Там же] – на фоне быта Чулимска метафорически выражает оппозицию «свой-чужой». Еремеев «свой» в поселке, он безболезненно вливается в течение жизни Чулимска. Мечеткин – «чужой», само бытие таежного поселка будто «выталкивает», «отторгает» его, как всякий живой организм отторгает инородное тело.

Еремеев и Мечеткин – два противоположных полюса притяжения, между которыми существуют остальные герои пьесы. Еремеев принадлежит Сибири, тайге, природе. Мечеткин – цивилизации. И между этих полюсов, между цивилизацией и природностью находятся жители таежного поселка. В образной структуре пьесы прослеживается деление героев по принципу их принадлежности (близости) к современной городской культуре или к традиционной, деревенской. Хороших, Дергачев, Пашка живут чувствами и страстями, их поступки иррациональны, стихийны, чувства сильны и природны. Эти герои близки к образу «природного человека» прежде всего преобладанием чувственного начала над рациональным. Вторая категория героев цивилизации. Это «грамотная» [Там же, с. 357] Кашкина, которая «из города приехала» [Там же]. Это «благоразумный» [Там же, с. 335], спокойный теперь, сломленный городом Шаманов. Образы «городских» героев в творчестве Вампилова несут на себе отпечаток «антиприродности», они живут больше разумом, чем сердцем. Так, Кашкина, пытаясь удержать возле себя Шаманова, действует не импульсивно (в отличие от Хороших или Пашки), а скорее расчетливо: подталкивает Мечеткина к Валентине, подсматривает за Шамановым, перехватывает его записку. Шаманов старается усыпить, успокоить в себе любые чувства и переживания. Предел его стремлений – полный покой: «Я хочу на пенсию» [Там же, с. 333, 335, 337].

Идеи сохранения связей человека с природой, противостояния природной, исконной Сибири натиску цивилизации воплотились в пьесе в образе «природного человека», эвенка Еремеева. Понимание Сибири, преклонение перед ее традиционным жизненным укладом, который практически разрушен и забыт («природный человек» обманут, отторгнут современным обществом) становится новым этапом в творческой эволюции писателя.

Список литературы

1. **Вампилов А. В.** Избранное. М.: Согласие, 1999. 776 с.
2. **Вампилов А. В.** Стечение обстоятельств: Рассказы и сцены, фельетоны, очерки и статьи. Иркутск: Вост-Сиб. кн. изд-во, 1988. 448 с.
3. **Гончаров П. А.** Творчество В. П. Астафьева в контексте русской прозы 1950-1990 гг.: монография. М.: Высшая школа, 2003. 386 с.
4. **Гончаров П. А., Гончаров П. П., Земляковская А. А. и др.** «Природный человек» в русской прозе XX века: коллективная монография. Тамбов: ТОГУП «Тамбовполиграфиздат», 2005. 204 с.
5. **Гушанская Е. М.** Александр Вампилов: Очерк творчества. Л.: Сов. писатель: Ленингр. отд-ние, 1990. 320 с.
6. **Руссо Ж.-Ж.** Исповедь. Прогулки одинокого мечтателя. Рассуждение о науках и искусстве. Рассуждение о неравенстве. М.: НФ «Пушкинская библиотека»; ООО «Издательство АСТ», 2004. 884 с.

**“A CHILD OF NATURE” IN THE FIGURATIVE STRUCTURE
OF THE PLAY “LAST SUMMER IN CHULIMSK —**

Cherbaeva Ol'ga Vladimirovna
Michurinsk State Agrarian University
olgacherbaeva@rambler.ru

The article tries to analyze the genesis of an image of “a child of nature” and natural motives in A.V. Vampilov’s creative work. The goal of the paper is to identify the place of “a child of nature” in the figurative structure of the play “Last Summer in Chulimsk” and the basic ideas propagated by the author through this image. The confrontation of “a child of nature” and civilization results in the victory of civilization: traditional lifestyle is destroyed and forgotten; “a child of nature” is deceived, rejected by the modern society. Understanding of this fact becomes a new stage in the creative evolution of a writer.

Key words and phrases: Vampilov’s theater; image of “a child of nature”; image of an “anti-natural man”; image of a “natural home”; opposition of existential and everyday matters.

УДК 821.161.1; 82-1

Филологические науки

В данной статье рассматривается художественное воплощение архетипического мотива одержимости в русской поэзии советского периода. Основной задачей исследования становится попытка определить место мотива одержимости в философско-историческом контексте указанного времени, проследить его эволюцию и, основываясь на результатах литературоведческого анализа творчества русских поэтов советской эпохи, изучить и классифицировать возможные способы творческой реализации мотива одержимости в поэтических текстах.

Ключевые слова и фразы: русская советская поэзия 20-50-х гг.; русская советская поэзия 60-90-х гг.; архетипический мотив одержимости; мистическая одержимость; одержимость идеями; одержимость любовной страстью; образы одержимых; образы одержателей.

Шарипова Любава Павловна

Казанский (Приволжский) федеральный университет
luxetmox@list.ru

**АРХЕТИПИЧЕСКИЙ МОТИВ ОДЕРЖИМОСТИ
В РУССКОЙ ПОЭЗИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА[©]**

Явление одержимости, как один из древнейших культурных архетипов, характеризуется, прежде всего, именно общечеловеческой значимостью и только потом, реализуясь в творчестве отдельных литераторов, вбирает в себя черты определенной народности и специфическое авторское наполнение. Универсальный характер данного явления легко реконструируется уже по фактам мифологии, фольклора и религиозных доктрин.

В общем смысле одержимость – это частичное или полное подчинение разума человека какому-либо существу или явлению.

Постепенно от мистико-религиозного понимания одержимости (бесодержимость как явление; образы одержимых и одержателей: ведьмы, оборотня, вампира, юродивого, кликуши, беса, демона и др.) человечество приходит к ее обыденному, бытовому воплощению – одержимости любовной страстью и одержимости идеями (патриотической, творческой и т.д.).

Эти два основных способа реконструирования феномена одержимости в сфере человеческой культуры будут сопутствовать данному явлению на протяжении всей его эволюции.